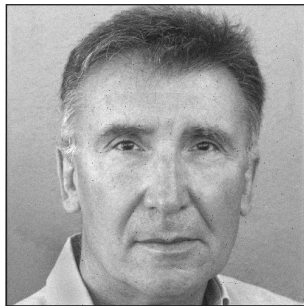

Перевод, понимание и принцип неопределенности. Размышления над русскими пословицами

МАЙКЛ А. КОРОВКИН (ИТАЛИЯ)¹

Используя проблему перевода как арену исследования и русские пословицы как этнографический источник, автор определяет взаимоприемлемую для феноменологии и «французского» структурализма эпистемологическую территорию с помощью умственного приема – гейзенберговского принципа неопределенности. Анализируется сущность и значение пословицы как для носителя языка, так и в переводе, причем последний предстает как эпистемологическая противоположность «передаче». Иллюстрируя с помощью примеров семантический дрейф терминов в лингвистическом контексте и эволюцию значимости в культурном контексте как синхронически, так и диахронически, автор пытается расширить границы парадигмы понимания за пределы обыкновенного вопроса «понятности» путем введения – через концепцию внеязыкового – идеи осмысленной бессмыслицы или значимого нонсенса. Настоящее служит подтверждением глубокого убеждения автора, что культура не в состоянии ни пол-

¹ Майкл Коровкин – специалист в области социальной и культурной антропологии (магистерская диссертация по социальной антропологии Йоркского университета (Канада), докторская диссертация – по культурной антропологии, Амстердамский университет (Голландия)). Профессор социологии Высшей европейской экономической школы Букингемского университета (Римский кампус). Автор (совместно с П. Стефенсоном) монографии *Zombie Factory: Cultrue, Stress & Sudden Death* (2010).

ностью идентифицироваться с каким бы то ни было языком, ни полностью выражаться последним.

Ключевые слова: *внеязыковое, значимость, культура, нонсенс, перевод, понимание, принцип неопределенности, структурализм, феноменология, энтропия, язык*².

Введение

Эта работа посвящена прежде всего проблеме экстракультурного понимания «народной мудрости». Я попытаюсь рассмотреть ее в контексте того, что называю принципом неопределенности и уже сейчас готов высказать одно предположение. Если «народная мудрость» выразима, она, безусловно, находит такое выражение в пословицах и поговорках. Даже миф, по крайней мере с точки зрения структурализма, может рассматриваться как «завуалированное поучение», как тонкая и в значительной степени идиоматичная проповедь, т.е. как своего рода пословица. Я буду говорить не столько о возможности ее понимания, сколько о возможности проникновения в ее смысл, что, хотя и звучит несколько претенциозно, все же лучше отражает мои намерения. (В английском это соответствует различию между терминами “comprehension” и “understanding”).

Читающему на иностранном языке нетрудно понять пословицу, особенно когда под рукой хороший словарь. Но в данном случае понять – не значит по-настоящему проникнуть в смысл. На мой взгляд, это вообще невозможно вне соответствующего культурного контекста. Подобное предположение кажется банальным, но именно оно объясняет, почему в течение нескольких последних десятилетий прикладная лингвистика постепенно открывает для себя антропологию и рассматривает «понимание иноязычной идиомы» как одну из своих центральных проблем.

Справедливо также и обратное: антропология, особенно структурная антропология, присваивает лингвистическую теорию (особенно это касается структурной лингвистики) в такой степени, что антропологи считают Ф. де Соссюра, Р. Якобсона, У. Лабова и др. своими коллегами.

Сферой приложения теоретических построений антропологов и лингвистов в свою очередь стала фольклористика. Так или иначе, язык представляет собой центр этой сферы, а проблема проникновения в смысл – ядро этого центра, как, впрочем, и этой работы.

На протяжении десятков лет, столетий и даже тысячелетий проблема понимания, какие бы обличья она ни принимала, также неиз-

² Оригинал настоящей работы написан по-английски. Автор выражает глубокую благодарность Елизавете Лерер за экстенсивную обработку начальной версии русского перевода.

менно оказывалась в центре общетеоретических дискуссий. Надо сказать, что эпистемологические проблемы и в наше время остаются весьма актуальными. Современная эпистемология, по моему мнению, представлена двумя в определенном смысле противоположными направлениями: феноменологическим (или «герменевтическим») и структуралистским (особенно в его французской и русской версиях). Оба направления опираются на диалектику, однако сторонники первого заявляют, что именно их метод построен на «настоящей», т.е. гегелевой диалектике, в то время как второй – на марксовской «диалектике противоположностей».

Думаю, мы не ошибемся, если скажем, что подходы эти не настолько противоположны друг другу, как кажется их сторонникам. Вместе с тем и тому и другому свойственны *внутренние* противоречия, которые делают их непрекращающиеся споры намного более интересными. Одна из целей настоящей работы – включиться в эту захватывающую полемику, не обязательно принимая позицию одной из сторон. Я считаю, что пословицы и поговорки представляют собой богатый материал для диалектического подхода в частности потому, что многие из них противоречат (или кажется, что противоречат) друг другу. Ниже эта противоречивость будет подробно рассмотрена для того, чтобы продемонстрировать следующее: в контексте принципа неопределенности то, что кажется противоречивым, не обязательно является таковым на самом деле, и наоборот.

Моя цель – взглянуть на пословицу в первую очередь как на *процесс*, протекающий в пространстве и во времени. Изменения, которые с течением времени претерпевает пословица, могут быть описаны не только как эволюция, но и как инволюция. Начну же я с того, что *представляется* наименее сложным: попытаюсь рассмотреть проблему сохранения и передачи устной традиции. Речь пойдет об эволюции и «энтропии». На мой взгляд, этот вопрос настолько тесно связан с дискуссией о понимании, что он может считаться определяющим для самого метода теоретической и практической работы с лингвистическим и этнографическим материалом.

Я также коснусь пословицы как процесса, который происходит в пространстве, т.е. как явления кросскультурного. Так, пословицы, идентичные не только по смыслу, но и по форме (например: «Время – деньги» = “Time is money”), возможно, обязаны своим существованием культурным контактам. Однако диффузионизм не в состоянии объяснить все случаи такого сходства. Большая их часть обусловлена фундаментальным «психическим единством человечества», столь блестяще освещенным и в некотором смысле освященным К. Леви-Стросом и З. Фрейдом. Наиболее простой случай представляют собой пословицы, «пространственное отличие» которых друг от друга очевидным образом проявляется в их форме, тогда как смысл остается практически идентичным (например: «Стреляная ворона и палки

боится» – “Once frightened, twice shy”). Таковы, повторяю, простейшие случаи. Однако мне бы хотелось посвятить эту работу случаям более сложным, учитывая всю культурную специфичность русских (как, впрочем, и любых других) пословиц. Степень их «переводимости», т.е. возможность их кросскультурного понимания, будет центральной из рассматриваемых проблем.

Таковы основные направления этой работы. Ее наиболее трудоемкая часть, а именно сбор материала, давшего как основание, так и возможность для моих теоретических построений, была проведена более 100 лет назад В.И. Далем (Даль 1993). Даже просто прочесть три тома, содержащие тысячи пословиц и поговорок, – нелегкая задача, а их сбор и обработка – воистину Прометеев труд. Чем дольше я работал с собранием Даля, тем больше убеждался в его необычайной ценности и как хранилища мудрости русского народа, и как неиссякаемого источника вдохновения для исследователя.

Мне представляется, что перевод корпуса пословиц с одного языка на другой не имеет особенного смысла. Я попытаюсь показать, что многие, если не все пословицы, непередаваемы «по-настоящему» и что именно самые непередаваемые из них наиболее интересны.

Более того, если бы и существовали адекватные интерпретации, позволяющие *понять* значение пословицы, было бы куда проще выучить язык, на котором она была создана, чем пытаться проникнуть в ее смысл, обращаясь к переводу. Это одно из основных положений, которые я надеюсь осветить в этой работе.

1. Проблема с концептом энтропии

Начиная работу о русских пословицах, уместно будет обратиться к трудам В.Я. Проппа³: нас в особенности интересует его центральное теоретическое положение, касающееся принципов создания фольклорных произведений. Согласно Проппу, фольклорные произведения являются продуктом устного творчества и не предназначены для записи или воспроизведения в письменной форме. В своих исследованиях, посвященных анализу русских народных песен и сказок, в том числе исторических корней русской волшебной сказки, он неоднократно повторяет это.

Данное утверждение имеет многочисленные методологические и теоретические последствия, важные не только и, вероятно, даже не столько для фольклористики и различных направлений лингвистики как таковых, сколько для установления их связи с семиотикой и с тео-

³ См., например: Пропп В. Морфология сказки. Л., 1928; *Он же*. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946; *Он же*. Народные лирические песни. Л., 1961.

риями информации и коммуникации. Многие представители так называемых неточных наук с надеждой и завистью взирают на эти дисциплины как на связующее звено с (предполагаемой некоторыми гуманитариями) «определенностью» естественных наук и с недвусмысленной ясностью математических выражений. Это двойное заблуждение породило вопиюще абсурдные направления, к числу которых относится, например, приложение методов математической семиотики к изучению языка как культурного и социального явления. Это в свою очередь имеет прямое отношение к проблеме передачи устной традиции. А точнее, таких проблем две.

Во-первых, устная традиция передается *синхронически* слушателю – в нашем случае лингвисту или антропологу (или этнографу), который записывает услышанное на бумагу – либо сразу и непосредственно, либо позже, транскрибируя магнитофонную или видеозапись.

Во-вторых, устная традиция передается *диахронически* – от слушателя к слушателю и, в конце концов, из поколения в поколение.

И в том и в другом случае предполагаемая (но, увы, не настоящая) неопределенность обычно выражается в вопросе, который традиционно ставят многие исследователи: «*Что* или (еще хуже!) *как много* потеряно в процессе передачи?» Подход такого типа применяется в теориях информации и коммуникации, подготавливая почву для проникновения семиотики в изучение литературы в частности и культуры вообще. Ниже я надеюсь показать, что подобное проникновение непродуктивно и некорректно как с эпистемологической, так и с методологической точки зрения.

1. Что теряется при перенесении фрагмента устной традиции на бумагу? Фиксация на бумаге приводит к потере большей части таких его свойств, как, например, колорит и юмор, которые проявляются в интонации, ритмических вариациях и других экстралингвистических атрибутах – иными словами, в особенностях исполнения.

Однако сам Пропп говорит, что подобных атрибутов такое множество и они так существенно варьируются от исполнения к исполнению, что закономерно предположить следующее: большинство экстралингвистических элементов устной традиции «сделаны по заказу» текущих (т.е. временных!) требований исполнителя, *любого* исполнителя. Природу подобных «потерь» часто описывают, используя концепт энтропии. Многие энтузиасты, применяющие методы семиотики в изучении литературы (например, в России – Лотман, Смирнов и др.), относятся к нему с большим почтением. Это абсолютное заблуждение, и вот почему.

Исходная посылка такого подхода на первый взгляд очевидна. Дж.Р. Пирс⁴, безусловно, прав – информация действительно может рассматриваться как энергия, организованная по некоторой потенци-

⁴ Pierce J.R. Symbols, Signs and Noise. L. : Hutchinson, 1962.

ально воспроизводимой модели. Отсюда следует, что процесс передачи информации может быть описан вторым законом термодинамики. Энтропия, предполагаемая такого рода процессом, не позволяет «посланию» (пассивной энергетической группе) передаваться без потерь. Черри формулирует соответствующий вопрос просто, пожалуй, чересчур просто: если что-нибудь (информация) передается от А к Б, сколько этого «чего-нибудь» достигнет Б по сравнению с тем, что было передано из А? Однако и Черри, и Пирс, и Шеннон, и Уивер⁵ имели дело с передачей информации в *пассивной среде*. На это ясно указывает Н. Винер⁶. Он также подчеркивает, что уже в случае с самоорганизующимися машинами, где возможна обратная связь, формулировка Черри едва ли применима. В этом случае, а тем более в исследовании *человеческих* взаимоотношений нерелевантной является сама тема материальной среды. Если мы принимаем яacobсоновскую квантовую механику языка, в которой фонема представляет собой элементарную «семантическую частицу» языка, нам придется согласиться с тем, что фонема либо распознаваема, либо нераспознаваема, она не может быть «более или менее» распознаваемой. С этой точки зрения распространенная в семиотике практика использования концепта энтропии в описании процесса синхронической социальной коммуникации, т.е. разговора между людьми, представляется совершенно недопустимой.

2. Гораздо более интересным представляется вопрос о том, что теряется, если теряется вообще, при *диахронической* передаче устной традиции. Будь то песня, сказка или пословица, передаваемый фрагмент проходит через многочисленные фильтры рассказывания и пересказывания. Это «трение с социальной средой» представляет собой такой процесс, каждый участник которого способен изменить передаваемый фрагмент – не важно, значительно или незначительно. Более того, целые фрагменты могут быть опущены или добавлены. Со сменой поколений выживают только те фрагменты традиции, которые продолжают вызывать у слушателей интерес, т.е. производить определенное психологическое, эмоциональное впечатление. В отличие от официальной цензуры «народная цензура» (термин, употреблявшийся Выготским и Тыняновым) выпалывает не «плохие» и, если угодно, не «хорошие» фрагменты, а только те, которые больше не важны и не интересны. Вот почему устная традиция так культурно значима. Устная традиция – это прежде всего *процесс* непрерывного разграничения, разделения того, что Сэпир⁷ назвал «подлинной» и

⁵ Shannon C., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication. Urbana : University of Illinois Press, 1949.

⁶ Wiener N. The Mathematics of Self-Organizing Systems // Recent Developments in Information and Decision Processes ; R.E. Machol, P. Grey (eds). N.Y. : Macmillan, 1963.

⁷ Sapir Ed. Culture, Genuine and Spurious // American Journal of Sociology. 1922. Vol. XXIX.

«подложной» культурами. Такая «прополка», однако, никоим образом не производится сознательно, она является результатом самого обыкновенного забывания. И это только половина общей картины. Вторая половина – изменение и добавление. В данном случае среда передачи не пассивна, а это значит, что недостаточно поставить проблему *sub specie* энтропии, т.е. спросить: что теряется? Вторая половина проблемы: что приобретается?

Как принять в расчет непрерывный процесс прополки? Леви-Строс относит эту проблему к категории формальных. Иными словами, для него «настоящая» суть истории лежит вне комбинации ее морфологических элементов. Выбор той или иной формы он считает несущественным. В этом отношении Леви-Строс мало чем отличается от своих «антиподов» – феноменологов⁸.

Я не согласен с тем, что выбор способа символического выражения произволен. Именно форма и культурный контекст истории позволяют ей комментировать (часто поддразнивая) как социальную реальность, так и саму себя и свои более ранние версии. Рассмотрим пример изменения значения первоначальной пословицы и комментария к ней: «Рука руку моет, и обе белы живут»⁹. Современная версия этой пословицы – «Рука руку моет». Исчезновение второй половины не только придает пословице характер поговорки, но и меняет (может изменить) ее значение кардинальным образом. Начнем с того, что опущенная половина – квалификатор, наделяющий всю пословицу позитивным смыслом: те, кто помогает друг другу, помогают себе. Отсутствие второй части делает это выражение двусмысленным и даже придает ему мрачный оттенок, несомненно присущий контекстам, в которых встречается сегодня. Оно всегда указывает на коррупцию, преступный сговор и другие подобные формы социального поведения. Такой вариант пословицы был популярен в советское время и продолжает оставаться довольно распространенным.

Итак, возвращаясь к концепту энтропии, мы можем сказать, что его использование при рассмотрении социокультурной проблематики, даже в самом непрямом, метафорическом смысле (а тем более в том виде, как он используется большинством семиотиков) представляется совершенно неприемлемым. Изменения и даже потери в процессе передачи пословиц обусловлены не законами физики, а действительностью, изменениями, постоянно происходящими в человеческом обществе. Среда в данном случае энергетически не пассивна, она представлена огромным количеством индивидов, каждый из которых, прежде чем передать пословицу другому, свободен решать –

⁸ См., например: *Geertz C. The Interpretation of Culture. N.Y. : Basic Books, 1973; Он же. On the Nature of Anthropological Understanding // American Scientists. 1975. 63:1; Он же. Blurred Genres: The Refiguration of Social Thought // The American Scholar. 1980. 49:2.*

⁹ *Даль В. Пословицы русского народа. В 3 т. М., 1993. С. 253.*

что интересно, а что неинтересно. Кроме того, каждый из этого множества индивидов свободен добавлять, убавлять и интерпретировать по своему желанию. Неопределенность понимания существует потому, что носители одного и того же языка (в полном соответствии со взглядами Фрейда и Леви-Строса), имея общие со всем человечеством основные ментальные структуры, все же не обязательно существуют в одном и том же социокультурном контексте. Различия в понимании обязаны своим существованием сравнительной уникальности процессов их индивидуального ментального развития. Итак, мы можем сделать некоторые предварительные выводы.

Хомский, Фрейд, Леви-Строс, де Соссюр и др. считают, что язык (в отличие от «речи») относится к сфере сверхсоциальных ментальных процессов. Из этого парадоксальным образом следует, что проблема эволюции устной традиции (а значит, и изменений в понимании) – почти целиком *не лингвистическая*. В таком случае нам остается признать, что глубинные ментальные структуры (которые могут быть представлены как в *langue*, так и в *parole*) не являются вполне метасоциальными, а изменения, которые они претерпевают при передаче, не вполне социокультурно обусловлены. В этом контексте принцип неопределенности ясен: чем больше мы ограничиваем наш анализ первой сферой, тем сложнее определить положение феномена во второй, и наоборот.

2. Значение, таксономия, интуиция и нонсенс

Гегель был прав, когда, предположительно следуя Канту, говорил, что в изучении любого контекста мы сталкиваемся с колесами внутри колес, внутри колес, внутри колес. Трюк состоит в том, чтобы не заблудиться во множестве дополнительных контекстов, порожденных самим процессом изучения того или иного феномена. Согласно Хайдеггеру, феномен в строгом смысле слова никогда целиком не умещается в парадигму контекста. Это действительно так, иначе бы он перестал быть феноменом. Именно в этом и заключается главное методологическое ограничение герменевтики – невозможно одновременно видеть лес и деревья – гораздо проще «говорить герменевтикой», чем заниматься ей. Гирц попытался разрешить эту проблему, предложив просто рассказывать историю, передающую феномен. Но как только история рассказана, она порождает свой собственный контекст или даже целый ряд контекстов, в которых ее можно понимать и интерпретировать. Это – главное методологическое противоречие как функционализма, так и феноменологии. Контекст предполагает морфологию и таксономию – царство классификации, принадлежащее структурализму *par excellence*. Таксономия в свою очередь порождает

дает новые дополнительные контексты и даже «метаязыки» *a la* Фрейд, Леви-Строс или Маркс, тем самым навязывая себя предмету изучения, – часто до полного затуманивания его смысла. Действительно, колеса внутри колес, внутри колес, внутри колес. Проще говоря, феноменология располагает ответами настолько утонченными и сложными, что их не достоин ни один вопрос, в то время как структуралисты располагают настолько умными вопросами, что любой ответ на них *a priori* отвергается.

Проблему, которая будет рассмотрена в этой части статьи, я за именем более подходящих терминов определил бы как «проблему интуитивного понимания». Это действительно очень сложная проблема, поскольку, анализируя интуицию, мы рискуем уничтожить ее. В центре нашего внимания будет вопрос о том, что делает пословицу *интересной*, что заставляет нас с любопытством вслушиваться в нее. Ее онтологические, социологические и эпистемологические аспекты? Возможно, в определенной степени и они. Но я все же думаю, что как бы ни были важны эти аспекты, они служат нам только «осязаемыми» компонентами, почти «оправданиями» за то, что пословица нам нравится. То, что нам действительно нравится, относится совсем к другой сфере.

Даль разделяет пословицу на две части: пропозицию и резолюцию или, как он говорит, поучение, урок. Но можно ли считать пословицей любое выражение, составленное из этих частей? Если так, то следующие выражения также следует признать пословицами: «Опустить монету и оторвать билет»; «Работает от переменного тока напряжением 220 вольт. Эксплуатация в других типах сетей приводит к неисправности»; «Проверяйте сдачу, не отходя от кассы», и т.п. Нет, конечно, это не пословицы. Наши вопросы начинают множиться, угрожая создать еще одну таксономию.

Мы задали вопрос: что делает пословицу интересной? Ничуть не приблизившись к его решению, мы оказались перед необходимостью ответить еще на один вопрос: что делает пословицу – пословицей? Правда, на него ответить проще, чем на первый: это – метонимизация, метафоризация выражения. Пословица может представлять собой:

- а) метафору («Залил себе за шкуру сала»; «Его голыми руками не возьмешь»; «На него надо ежовые рукавицы»);
- б) аллегорию («Угорела барыня в нетопленной горнице», «Хорошо пахать на печи, да заворачивать круто»);
- в) гиперболу («У каменного попа ни железной просвиры»; «У него каждая копейка алтынным гвоздем прибита»);
- г) метонимию («Сытое брюхо к ученью глухо»; «Зеленый белому не указ»);
- д) синекдоху («Семеро топоров вместе лежат, а две прялки врозь»; «Чем бы салу рычать, ан телега скрипит»);
- е) иронию («Исплошала зима сватью в летнем платье»; «Хорош бы был танцор, кабы кафтан у него не путался»);

ж) противопоставление («Воложный стол – тощий карман»; «Дальше положишь – ближе возьмешь»);

з) инверсию («Не по хорошему мил, а по милу хорош»; «Над грехом старосты нет, а живет грех над старостой»);

и) неопределенность («Иная вода [слезы] стоит крови»; «Иные люди [гробовщики] и смертью живут»);

к) персонификацию («Авоська веревки вьет, Небоська петлю закидывает»; «Хотел камень в море поплавать, а море ему: ан утони»);

л) условность («Либо коня дорогого держать, либо кнут»; «Либо кланяться, либо чваниться»);

м) эллипсис («Матушка рожь кормит всех дураков сплошь, а пшеничка [кормит дураков] по выбору»; «От старых дураков молодым [дуракам] житья нет»).

Итак, мы видим, что пословица – это все что угодно, но не «голая» речь (кстати, на этот случай есть пословица: «Голая речь – не пословица»). Именно неопределенности делают пословицу интересной. Именно они, а не ее заставляющие задуматься социо-, онто- и эпистемологические референции. Пословица (сказ, миф), состоящая из умышленно туманного тезиса (обиньяка) и синтеза, который часто вообще опускается, представляет собой не что иное, как игру с эллиптическими конструкциями. В них всегда удивительным образом присутствует, перефразируя Достоевского, фигура (или скорее парадокс) красноречивого умолчания. В то же время теория Леви-Строса, если не всех структуралистов, основана на фундаментальном положении – практически аксиоме – об их *принципиальной переводимости*. Пусть так. Уже упомянутое «психическое единство человечества» действительно обязывает их быть переводимыми. Однако остается вопрос: переводимыми на что? И ответ: на уже упомянутые метаязыки универсальной референциальной валентности. Такой перевод, несомненно, полезен для понимания фундаментальных законов функционирования человеческого разума. Однако даже знание всех фундаментальных свойств картофеля и всех диетологических и культурологических аспектов приготовления пищи (объясненных, между прочим, самим же Леви-Стросом¹⁰), практически никак не объясняет, почему чипсы кажутся нам более или, если угодно, менее вкусными, чем пюре, или печеная, или просто вареная картошка. Такой тип понимания или перевода – совсем другое дело. Как утверждают феноменологи, он всегда в определенной степени герметичен. Он выходит за пределы лингвистической компетенции носителя языка и относится непосредственно к сфере социокультурной компетенции. Таким образом, этот перевод *непереводим*. Более того, я надеюсь, мы продвинулись в наших рассуждениях достаточно далеко и нет необходимости объяснять, что даже такая непереводимость перевода может существовать в двух различ-

¹⁰ *Levi-Strauss C. The Raw and the Cooked. N.Y. : Harper & Row, 1969.*

ных аспектах: «непереводимость» перевода и непереводимость «перевода».

В данном случае принцип неопределенности выражается сравнительно простой «бинарной» оппозицией, представленной двумя различными теоретическими и методологическими подходами (упрощенно говоря, структурализмом и феноменологией). Эта оппозиция может быть сформулирована тоже относительно просто: *универсальность пословицы (ее переводимость) находится в оппозиции к ее собственному значению*. Чем больше мы говорим о пословице на одном уровне, тем меньше мы можем сказать о ней на другом. Метаязыки сухи и скучны, а инфrazyки непостижимы.

Вместе с тем существует – или по крайней мере должен существовать – «третий подход» к проблеме, предлагающий иное понимание принципа неопределенности – еще неопределеннее прежнего и принципиально от него отличное. В рамках этого подхода принцип неопределенности рассматривается в первую очередь как *когнитивный механизм*, а не как фактор, препятствующий пониманию.

Так, Дэвид Тернер¹¹ (особенно в своих более поздних исследованиях Библии), чьи работы до сих пор, к сожалению, не оценены по достоинству, показал, что отношение между туманностью рассказа или афоризма и его важностью представляет собой не оппозицию, а *прямую пропорцию*. Я сделал похожее предположение в отношении символов¹², а также в отношении «ложной бинарной оппозиции» трактовок религиозных обращений в структурализме и транзакционализме¹³.

К моему удивлению, Даль ничего не говорит о том, что пословица не бывает изолированной от других пословиц. Описывая в большинстве случаев социальную реальность, пословица и сама является ее частью. Как в своем содержании, так и в формальном подходе она часто отсылает к другим пословицам и комментирует их. Более того, чем известнее пословица, чем шире сфера ее употребления, тем вероятнее, что мы найдем отсылки к ней в других пословицах.

Рассмотрим один пример. «Проверяйте сдачу, не отходя от кассы» – не пословица, а инструкция, которую часто вывешивали в советских магазинах; встречается она и на Западе (например, «Check your change before leaving the cash register»). Это выражение приобрело новые функции и стало частью фольклора, притчей, тяготеющей к сфере пословиц и поговорок. Прежде всего оно отделилось от своей «пропозиции» («постоянного компонента» Леви-Строса и

¹¹ Turner D.H. Ideology and Elementary Structures // Anthropologica. 1978. 20: 1, 2.

¹² Korovkin M.A., Lanoue G. On the Substantiality of Form: Interpreting Symbolic Expression in the Paradigm of Social Organization // Comparative Studies in Society and History. 1988. 30:4.

¹³ Korovkin M.A. Patterns of Re-Engagement; Protestant Conversions in a Southern Italian Community. Rome : Astrolabio-Ubaldini Editore, 1992.

Проппа), а «переменный компонент» превратился в стандартный иронический рефрен, выражающий смысл «сделать что-то немедленно». Например: «Мы встретились в библиотеке, и я не отходя от кассы пригласил ее в кино». Ироническая составляющая здесь чрезвычайно важна, поскольку именно она подчеркивает то, что говорящий осознает несерьезность и некоторую социальную некорректность описываемого действия. Каждый, кто свободно владеет русским языком, прекрасно понимает, что не отходя от кассы можно пригласить девушку в кино и даже влюбиться в нее, но не обменяться с ней обручальными кольцами. Такое выражение, как, например, «они поженились и не отходя от кассы завели ребенка» указывает на несолидность, поспешность, а то и на случайность зачатия – иными словами, выражает ироническое неодобрение.

Это представляется мне результатом процесса изменений, которые постоянно претерпевает поговорка под влиянием требований «актуальности». Термин «эволюция», без сомнения, может показаться здесь стилистически более оправданным, чем «изменения». Однако я далеко не уверен в том, что он всегда оправдан с аналитической точки зрения. Думаю, что термин «инволюция» описывает рассматриваемый нами процесс гораздо корректнее: многие поговорки инволюционируют до такого состояния, что превращаются в полный нонсенс, т.е. «коллапсируют», практически теряют свое эксплицитное значение. Именно такие поговорки кажутся мне наиболее интересными.

В русском фольклоре у них есть несколько видовых имен: чепуховки, нескладушки, неладушки, прибаутки, присказки и т.д. Присказка может интерпретироваться как «украшение», «виньетка», «завитушка». На языке поговорок это звучит так: «Не красна сказка сказкою, а красна присказкою». Я попытался перевести эти поговорки на английский, стараясь придать им как можно больше смысла. Не стану утомлять русского читателя плодами моих усилий. Надеюсь, мне поверят на слово: чем более «понятно» я их переводил, тем менее интересными они становились. Очень важно подчеркнуть, что эти выражения, строго говоря, *не идиоматичны*. Они не являются фиксированными и культурно герметичными. Вместе с тем они не являются и полной абракадаброй – для этого они недостаточно бессмысленны. Парадокс очевиден: поговорку делает поговоркой не «постоянный», т.е. поддающийся кросскультурному анализу компонент, а ее эфемерные, игровые, «семантически трусливые», культурно специфичные, эпифеноменальные атрибуты.

Итак, мы можем подвести некоторые итоги. Пословица, а скорее всего любое фольклорное произведение или даже произведение искусства вообще, состоит из двух частей: смысла и бессмыслицы. Мы увидели, что с точки зрения понимания поговорки как возможности ее *оценить* она состоит из «незначительного смысла» и «значитель-

ной бессмыслицы». Однако в переводе значим именно *смысл*, что делает бессмыслицу бессмысленной, а саму поговорку – незначимой. Вывод очевиден: чем более понятной мы сделаем поговорку в ее межкультурной интерпретации, тем меньше от нее останется и наоборот. Выбор подхода, конечно, зависит от задач исследования. И все же нельзя забывать о том, что ни один из подходов невозможен в чистом виде. Иными словами, поговорка всегда оказывается «семантически скользкой»: ее невозможно полностью «зафиксировать» методами структурализма или феноменологии.

3. Проблемы с бинарной оппозицией

Мы уже говорили о том, как рассматривается феномен в структурализме: феномен является значимым и, вообще говоря, воспринимаемым только как отношение. Или, может быть, он по своей природе относителен и только так может восприниматься?

Прежде всего это касается термина «бинарная оппозиция», которым можно обозначить ключевой для всех форм структурализма концепт. Здесь необходимо еще раз подчеркнуть, что структуралисты работают с оппозицией не в гегелевском, а в лейбницевском смысле, т.е. они имеют дело с *противоречием*, а не с *противоположностью*. Иными словами, оппозиция у них не является симметричной. Пожалуй, лишь за исключением кибернетики Винера, общая тенденция аналитического использования «бинарной оппозиции» – это «плюс» и «минус» или «утверждение» и «отрицание». Как примат утверждения, так и несимметричность подобной оппозиции очевидны. Так, фонемный набор Якобсона состоит из гласных и *негласных*¹⁴. Фрейд говорит о сознательных и *несознательных* ментальных процессах. Подводя итоги 50-летнего развития структурализма, Лич приводит как симметричную оппозицию типа «черное» и «белое», так и явно несимметричные пары вроде *формальной* и *неформальной* одежды, *цветного* и *нецветного*, и т.п.¹⁵

Совершенно очевидно, что ментальный процесс, а возможно, и восприятие вообще имеют противопоставительную структуру. Противопоставление, однако, не подразумевает наличия действительной, «объективно существующей» (т.е. гегелевской) противоположности или – как мы ее называем, сохранив англицизм Якобсона, – оппозиции. Наличие или отсутствие последней для структуралиста, по всей видимости, несущественно. Выбор того или иного вида оппозиции полностью зависит от наблюдателя, от его аналитических задач. Та-

¹⁴ Jakobson R., Halle M. Fundamentals of Language. Hague : Mouton, 1956.

¹⁵ Leach E. Culture and Communication. Cambridge : Cambridge University Press, 1976.

кой метод очень далек от Гегеля. Кроме того, проблема использования принципа «бинарных оппозиций *ad homini*» состоит в том, что, подобно всем диалектико-аналитическим приемам, он создает или может создать бесконечную череду как оппозиций, так и «оппозиций», описывающих и наблюдаемый феномен, и сам аналитический прием, тем самым сводя само исследование *ad absurdum*, *ad infinitum* и часто *ad nauseam*. Попробуем рассмотреть континуумы смысловых оппозиций и противопоставлений, выделяющихся *внутри* и *вне* пословицы и, построив еще одну небольшую таксономию, выяснить, где же все-таки нам искать «настоящую» неопределенность.

Многие пословицы «ходят парами». Очень часто пословицы в таких парах представляются практически идентичными текстуально и на первый взгляд находятся в прямой и *эквивалентной* оппозиции друг к другу. Квалификаторы «представляются», «практически» и «на первый взгляд» в этой фразе не случайны – они намекают на то, что в действительности такая оппозиция не является симметричной. Для того чтобы это проиллюстрировать, рассмотрим сначала пару «практически идентичных» «простых» пословиц¹⁶: «Дело мастера боится» и «Иной мастер дела боится». Сопоставление дело–мастер нельзя назвать не только оппозицией, но и противоречием. Следовательно, здесь мы имеем дело с «внешней» оппозицией, т.е. с оппозицией пословиц. Совершенно очевидно, что это несимметричная оппозиция и что «основной» пословицей здесь является первая: «Ремесло покоряется эксперту»; вторая скомпрометирована определением «иной» и может рассматриваться как оговорка к первой: «Некоторые эксперты сдаются перед ремеслом». Вся пара, таким образом, может быть «переведена» как одна пословица с «пропозицией» и «обиняком»: «Не существует ремесла, которое не сдалось бы эксперту, но некоторые “эксперты” сдаются перед ремеслом». Здесь, как и в оригинальной версии «Дело мастера боится, но иной мастер дела боится», обиняк поддразнивает пропозицию и по сравнению с ней кажется более «интересным».

Итак, мы вернулись к трансцендентальному свойству пословицы, к ее «открытости». Мы увидели, что пословица способна порождать это свойство, пользуясь такими «странными» когнитивными инструментами, как нонсенс, обиняк, виньетка. Однако имея в виду все сказанное в настоящей статье, представляется неплодотворным анализировать пословицы с точки зрения смысла–бессмыслицы – очередной асимметричной пары.

Тем не менее тенденция пословицы к сталкиванию смысловых интерпретаций представляет собой еще один когнитивный инстру-

¹⁶ Эти пословицы «просты» в том смысле, что они состоят из одной части: в обеих отсутствует уже обсуждавшийся нами обиняк.

мент, который удивительно похож на нонсенс в его способности придать пословице двусмысленность и неопределенность, тем самым делая ее еще более трансцендентной.

IV. Заключение

Перефразируя Витгенштейна¹⁷, мы можем сказать, что мистика не в том, как функционируют элементы пословиц, а в том, что пословицы вообще существуют. Иными словами, в отличие от функций пословицы ее суть не может быть *полностью* выражена в универсальных категориях. А ведь именно эта суть – единственное, что остается от пословицы, очищенной от всех «внешних» элементов. И поэтому совершенно невозможно надеяться на определенность ее понимания. Таким образом, принцип неопределенности проявляется еще на одном уровне: пословица действительно может быть ясно понята и интерпретирована с точки зрения «внешних» критериев, но только за счет ее собственного «внутреннего» смысла. Более того, надеюсь, мне удалось показать, что этот принцип действует не только на уровне когнитивного разрыва между структурно-функциональным и феноменологическим анализом, он также применим в соотношении таких категорий, как, например, общественные и культурные, экономические и политические, онтологические и эпистемологические «функции» пословицы. Четкая определенность в отношении одной сферы достигается только ценой увеличения неопределенности в отношении другой.

Структурные функционалисты (как и «французские структуралисты»), исследуя пословицу, пытаются выяснить «о чем она», в то время как феноменологов интересует «что она такое». Первый подход подразумевает переводимость пословицы. Во втором степень ее понимания зависит от того, насколько культурная компетенция слушателя соответствует культурной компетенции рассказчика. Однако к какому бы из подходов мы ни склонялись, нам не уйти от метафизики. Законченная интерпретация пословицы, проясняющая «о чем она», не оставляет нам никакого *содержания*, пригодного для интерпретации, в то время как абсолютное интуитивное понимание рассказчиком ее сокровенного содержания, ее «таковости» (“suchess”¹⁸), не оставляет для ее интерпретации никаких *терминов*. Между прочим, именно здесь мы видим действительно метафизическую, *настоящую* диалектическую пару: абсолютная наполненность–абсолютная имманентная пустота. Это состоящая из эмпирически непостижимых членов, сбалансированная и аналитически безупречная, действительно

¹⁷ Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus. N.Y. : The Humanities Press, 1961.

¹⁸ Maslow A. The Psychology of Science. N.Y. : Harper & Row, 1966.

гегелевская оппозиция. Мы видим, что оба подхода представляют собой два «идеальных» полюса одного континуума. Все действительные возможности понимания и интерпретации располагаются где-то ближе к середине. В нашем распоряжении остается очень немногое: мы имеем возможность лишь по-разному расставить акценты, никогда не упуская из виду тот факт, что понимание, достижимое при склонности к одному полюсу, возможно только ценой уменьшения понимания, достижимого при склонности к другому. Чем более значим дискурс (например, Библия), тем больше он «заботится» о том, чтобы никогда слишком не удаляться от середины. Следовательно, все, о чем действительно стоит говорить, никогда не должно быть слишком ясным; и *vice versa*, все, что может долго оставаться интересным, никогда не выражается достаточно эксплицитно.

Огромная заслуга Леви-Строса заключается в том, что он сделал важную попытку снять это диалектическое «противоречие», поставив вопрос «о чем это?». Он эффективно депозитизировал миф и, рассматривая его как «разменную монету человеческого мышления», смог описать его с точки зрения универсальных категорий сознания. Его подход позволил утверждать, что фольклор (мифы, пословицы и т.д.) действительно переводим. Основной недостаток этого подхода заключается в том, что (как и в структурном функционализме) *то*, что переводится, *само по себе* оказывается малорелевантным для акта интерпретации. Надеюсь, мне удалось показать, что даже в тех случаях, когда пословица представляется идентичной пословице на другом языке в своем эксплицитном значении, она, тем не менее, никогда полностью не переводима – пословица есть нечто большее, чем выражение универсальных ментальных структур, какими бы глубинными они ни были.

Итак, мы подошли к еще одному аспекту французского структурализма, который, на мой взгляд, заслуживает дальнейшего обсуждения. Может быть, и сам структурализм подобен мифу, который, согласно Леви-Стросу, действительно приобретает свой смысл только на самом внешнем пределе понятности его содержания. Возможно, никто, кроме Фрейда, не сделал больше, чем Леви-Строс, для рационализации метафизики – для примирения эмпиризма и феноменологии. В своей трактовке трансцендентности мифа он очень близко подошел к концепту неопределенности, весьма далекому от рассмотренной выше гейзенберговской модели. Его неопределенность скорее близка «настоящей неопределенности» Германа Кана как «событий, которым каждый индивид может придать субъективную вероятность, в то время как в настоящий момент не существует абсолютно никакой надежды достичь более общего соглашения насчет того, какова эта вероятность в действительности»¹⁹.

¹⁹ Цит. по: Recent Developments in Information and Decision Processes ; R.E. Machol, P. Grey (eds). N.Y. : Macmillan, 1963.

Я снова говорю о «внешних границах понятности мифа», где стремительно растущая неопределенность связывается структуралистами с фундаментально *нечленораздельной природой* самых глубинных слоев фрейдовской инфраструктуры. Некоторые аспекты подобной неопределенности были рассмотрены в тех разделах настоящей работы, где обсуждалась роль нонсенса и виньетки в пословице. Я хотел пойти несколько дальше структуралистов (хотя, возможно, и так далеко, как феноменологи) и продемонстрировать, что интересующая нас неопределенность действительно является своеобразным, а именно «транспсихическим», когнитивным инструментом. Она располагается глубже самых глубинных фрейдовских инфраструктур и принадлежит царству «плодородного хаоса». Ни более или менее эксплицитное значение структуралистов и структурных функционалистов, ни практически совершенно имплицитное значение феноменологов не целиком релевантны для интерпретации пословицы. Мы подошли к тому главному, что в завершение этой работы можно сказать о неопределенности. Именно неопределенность – а не какое бы то ни было значение, переведенное на какой бы то ни было концептуальный язык, – придает пословице, а может быть, искусству вообще, поэтическую магию – магию, для определения которой я не сумел подобрать лучшего слова, чем просто-напросто «жизнь».